

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

Ю.А. Ландер¹, И.Г. Багиорова^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028 г. Москва, Российская Федерация

² Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Цилитивы ('легко' и 'трудно') в адыгейском языке: семантика, аргументная структура и частеречные характеристики

В статье показывается, что в адыгейском языке имеется два типа цилитивных форм (фацитив 'легко' и дифицитив 'трудно'): именные цилитивы, по сути имена, описывающие объекты, и вторичные цилитивы, представляющие собой неименные предикатные формы, описывающие ситуации (причем предполагается, что такое семантическое противопоставление представлено и во многих других языках). Хотя вторичная цилитивная конструкция, вероятно, развилась из именной, в результате в адыгейском языке представлена ситуация, когда одни и те же маркеры образуют формы, существенно различающиеся по морфосинтаксическим и семантическим свойствам. В то время как в именных цилитивах аргументная структура исходного предиката исчезает, во вторичных цилитивах аргументная структура редуцируется факультативно, на основании семантики форм, что не позволяет описывать образование этих форм как понижающую актантную деривацию.

Ключевые слова: адыгейский язык, цилитивные конструкции, фацитивные конструкции, дифицитивные конструкции, аргументная структура

Благодарности. Мы признательны консультантам за терпение при элицитации и анонимным рецензентам статьи за ряд ценных замечаний и исправлений. Ответственность за все ошибки, естественно, лежит на авторах.

© Ландер Ю.А., Багиорова И.Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License



Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ландер Ю.А., Багиорова И.Г. Цилитивы ('легко' и 'трудно') в адыгейском языке: семантика, аргументная структура и частеречные характеристики // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

Yu. Lander¹, I. Bagirokova^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 109028, Russian Federation

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

Cilitives ('easy' and 'difficult') in West Circassian: Semantics, argument structure and part-of-speech characteristics

West Circassian displays two types of cilitive (facilitive 'easy' and difficilitive 'difficult') forms, namely nominal cilitives, which describe individuals, and secondary cilitives, which describe the state of affairs. Secondary cilitives seemingly originate from nominal cilitives, hence the same cilitive suffixes mark forms that are remarkably different from each other in their morphosyntax. While nominal cilitives eliminate the argument structure of their base, secondary cilitives show optional reduction of the argument structure which is arguably motivated by their semantics and not by any grammatical rule. We also suggest that the contrast between cilitive constructions describing individuals and those describing the state of affairs can be found in other languages as well.

Key words: West Circassian, cilitive constructions, facilitive constructions, difficilitive constructions, argument structure

Acknowledgments. We are grateful to the consultants for their patience during the elicitation and to the anonymous reviewers of the article for a number of valuable comments and corrections. Responsibility for all errors, of course, lies with the authors.

FOR CITATION: Lander Yu., Bagirokova I. Cilitives ('easy' and 'difficult') in West Circassian: Semantics, argument structure and part-of-speech characteristics. *Rhema*. 2021. № 1. Pp. 56–75 (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-56-75

1. Введение

Идея легкости/сложности выполнения действия может передаваться разными способами: с помощью лексических средств, синтаксических конструкций, специализированных морфологических показателей. Последний вариант – грамматикализация особых маркеров – по-видимому, явление, типологически редкое. В этой статье мы опишем формальное поведение форм, включающих подобные показатели, в адыгейском языке (адыгская ветвь абхазо-адыгской семьи) и покажем, что это поведение вскрывает некоторые аспекты семантики конструкций легкости и сложности.

Речь пойдет о суффиксе фацитива *-в^wеџ^wэ* 'Р осуществить легко', предположительно восходящего к основам *в^wе*– 'время' и *џ^wэ* 'добро' (1), и о суффиксе дифицитива *-в^waje/-в^weje* 'Р осуществить тяжело', восходящего к сочетанию, образованному основами *в^wе*– 'время' и *je*– 'зло' (2); иногда в соответствующих конструкциях наблюдаются также значения 'Р осуществить приятно' (у фацитива) и 'Р осуществить неприятно' (у дифицитива). Для этих маркеров и образованных ими форм мы будем использовать гипероним «цилитивы».

- (1) *Тарихъым* *ихъугъэ-шлагъэхэр*
taɾjəxə-m *jə-χ^wəwe~ʃəwe-xe-g*
 история-OBL POSS-событие-PL-ABS
зэгъэшлэгъошлухэн.
z-e-we-ʃe-в^weʃ^wэ-x-ep
 RFL.IO-DAT-CAUS-знать-FCL-PL-NEG
 'Изучать исторические события непросто.'

- (2) *Хъульфыгъэр* *гъыгъуае.*
χ^wəɬfəwe-g *кэ-в^waje*
 мужчина-ABS плакать-DFCL
 'Мужчине сложно плакать'

Типологически цилитивные конструкции примечательны тем, как они взаимодействуют с аргументной структурой, порою приводя к неканоническому маркированию агенса или его исчезновению (см.,

например, [Выдрин, 2015] об осетинском языке), а также к конструкциям типа подъема объекта (вроде английского *You were easy to teach* ‘Тебя было легко учить’; см., например, [Davies, Dubinsky, 2004]). Это связано с тем, что наиболее агентивный участник в цилитивных предложениях – в отличие от обычных – часто не является топиком. Таким образом, цилитивные конструкции сдвигают перспективу, делая информацию о каких-то участниках более важной, а о каких-то других – менее важной. Соответственно, и для адыгейского языка нас будет волновать, как цилитивы влияют на аргументную структуру предиката. Мы увидим, что это позволяет противопоставить разные цилитивные конструкции.

Материалом для исследования послужили, прежде всего, данные корпуса адыгейского языка [Arkhangelskiy et al., 2018], а также элицитация¹.

В разделе 2 излагаются основные сведения о выражении аргументов в адыгейском языке. Раздел 3 указывает на ряд свойств адыгейских цилитивов, которые, на первый взгляд, кажутся неожиданными и противоречивыми. В разделах 4 и 5 описываются противопоставляемые нами цилитивные конструкции. Последний раздел содержит выводы.

2. Выражение аргументов в адыгейском языке

Адыгейский язык – агглютинативный и полисинтетический [Кумаров, 1964; Lander, Testelets, 2017]. Многие морфологические процессы в нем исключительно продуктивны и, по-видимому, не сводимы ни к каноническому словоизменению – построению форм слов из заданной парадигмы, ни к каноническому словообразованию – созданию новых лексем².

Продуктивность и слабая селективность аффиксов приводит к отсутствию четкого противопоставления знаменательных частей речи. Класс имен (включающий и обозначения качеств) в адыгейском языке выделяется сравнительно неплохо на основании как синтаксических, так и морфологических признаков, таких как способность участвовать в качестве вершины в относительной конструкции и в конструкции с «применным посессором», возможность образовывать со своими определениями сложную морфологическую единицу – так называемый именной комплекс и т.д.; см. раздел 4 (хотя, например, падежные показатели могут присоединяться и к неименам). Однако выступая в позиции сказуемого клаузы, имена присоединяют и основные предикативные показатели,

¹ Ниже элицитированные примеры сопровождаются специальной пометкой [E].

² Ср. обсуждение полисинтетической морфологии в [de Reuse, 2008].

в том числе временные и индексирующие аргументы; см., например, [Гишев, 2008, с. 345–398]. В результате фактически в адыгейском языке отсутствуют явные признаки, выделяющие глаголы, а имена можно считать особым подклассом единой знаменательной части речи [Lander, Bagirokova, 2019].

Ядерные аргументы – А (наиболее агентивный аргумент переходного сказуемого), Р (наиболее пациентивный аргумент переходного сказуемого) и S (субъект непереходного сказуемого) индексируются префиксами в предикате. Противопоставляются три серии индексирующих лично-числовых префиксов: абсолютивная серия, эргативная серия и серия непрямого объекта. Последняя индексирует участников, вводимых аппликативной морфологией – например, показателями бенефактива, малефактива, комитатива и локативными превербам.

Следующие примеры иллюстрируют индексацию аргументов. В непереходном предикате (3) S маркирован личным префиксом 1 лица единственного числа абсолютивной серии. В примере с переходным сказуемым (4) А индексируется личным префиксом 3 лица единственного числа эргативной серии, Р представлен в глаголе префиксом 1 лица единственного числа абсолютивной серии, а кроме того, присутствует индекс непрямого объекта 3 лица множественного числа с ролью места, который вводится локативным превербом *šʔə-*, и нулевой индекс 3 лица единственного числа (соответствующий аргументу с ролью ‘изучать’, который вводится так называемым дативным превербом).

(3) *сытшыгыъ*
sə-pšə-k
 1SG.ABS-уставать-PST
 ‘я устал’

(4) *сащыригъэдждагъ*
s-a-šʔə-Ø-r-jə-ke-žʔa-k
 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-3SG.IO-DAT-3SG.ERG-CAUS-изучать-PST
 ‘она меня в них учила’

Абсолютивный аргумент 3 лица лично-числовыми префиксами не индексируется, но может контролировать появление на сказуемом суффикса множественного числа (см. обсуждение в [Bagirokova et al., to appear]):

(5) <i>Урам шъхьаIэм</i>	<i>къырыкIоцтых.</i>
<i>wəram-šhaʔe-m</i>	<i>qə-rə-kʷe-šʔtə-x</i>
улица-главный-OBL	DIR-TRANS-идти-FUT-PL
‘Они пройдут по главной улице.’	

- (6) *A илгэсхэр шлуклэ ыгу*
 а jələs-xe-г šʷə-ǰʷe ə-gʷə
 тот год-PL-ABS хороший-INS 3SG.PR-сердце
кьеггэжкыжжьых.
q-j-e-xe-ǰʷə-žʷə-x.
 DIR-3SG.ERG-DYN-CAUS-выходить-RE-PL
 ‘Это позволяет ему добром вспоминать те годы.’

Именные группы S и P обычно маркируются абсолютным падежом, А – косвенным падежом (последний в литературе часто именуется эргативным, но в реальности маркирует и многие группы помимо А – см., например, [Рогава, Керашева, 1966, с. 65–66; Кумахов, 1971, с. 116–118]); ср. непереходное предложение (7) и переходное (8). Впрочем, появление свободных именных групп не является обязательным, а кроме того, некоторые из них (местоимения, имена собственные, посессивы, нереперентные группы) регулярно остаются без падежного маркирования.

- (7) *Бысымхэр мэгулэх.*
 bəsəm-xe-г me-gʷəʔe-x
 хозяин-PL-ABS DYN-суетиться-PL
 ‘Хозяева суется.’

- (8) *Орэдым клэлэцлыкIур епIу...*
 weredə-m ǰʷele-ǰəǰʷə-г j-e-pʷə
 песня-OVL парень-маленький-ABS 3SG.ERG-DYN-воспитывать
 ‘Песня воспитывает мальчика...’

Итак, в кодировании ядерных аргументов адыгейский язык выступает как эргативный; см. подробное обсуждение, например, в [Гишев, 1985; Кумахов, Вамлинг, 2006]. Более того, эргативные черты наблюдаются и в разнообразных синтаксических и морфологических процессах [Lander, 2010; Letuchiy, 2012; Ershova, 2019]. В целом, в адыгейском языке представлено большое число показателей повышающей актантажной деривации и почти отсутствует понижающая актантажная деривация (ср. [Lander, Letuchiy, 2017]). При этом морфологическая деривация почти никогда не затрагивает абсолютный аргумент, что можно считать дополнительным проявлением последовательной эргативности адыгейского языка [Letuchiy, 2012]³.

³ Анонимный рецензент упоминает конструкции, которые, на первый взгляд, противоречат такой «последовательной эргативности» (в частности, антипассив и инверсив, при которых иногда S и A ведут себя одинаково). Нам, однако, не очевидно, что эти явления имеют грамматическую природу, а не семантическую, связанную скорее с агентивностью участников, чем с их грамматическим отношением.

3. Цилитивы как проблема

Литература, описывающая цилитивы в адыгейском и аналогичные показатели в кабардино-черкесском языке, другом языке адыгской группы, весьма немногочисленна. Однако уже и в имеющихся описаниях обнаруживаются значительные расхождения в трактовке интересующих нас форм. М.А. Кумахов и Х.Ш. Урусов рассматривают цилитивные морфемы в обоих адыгских языках как суффиксы, образующие отглагольные прилагательные [Кумахов, 1964, с. 135; Урусов, 1980, с. 246] (ср. также замечание Р. Сметса, что адыгейские цилитивные формы напоминают английские прилагательные с суффиксом *-able* [Smeets, 1984, p. 278–279]). В то же время Г.В. Рогава и З.И. Керашева [Рогава, Керашева, 1966, с. 297–299], а также А. Летучий (2006) (см. также [Letuchiy, 2012, p. 346–347; Lander, Letuchiy, 2017, p. 297–298]), впервые описавшие многие морфосинтаксические свойства цилитивов, представляют цилитивную морфологию, скорее, как глагольную или предикативную. Как мы увидим, в какой-то степени верными оказываются обе точки зрения.

В грамматике [Рогава, Керашева, 1966, с. 298] обращается внимание на то, что в цилитивных формах обычно нет указания на S и A (в терминологии авторов – на субъект). Отсутствие указания на эти ядерные аргументы иллюстрируют примеры ниже, включающие цилитивы, образованные от непереходной (9) и переходной (10) основ:

- | | | |
|--------------------------------|-----------------|----------------------|
| (9) <i>АцкIэ</i> | <i>псэуэуае</i> | <i>хэуцт.</i> |
| a-š'-č'e | psewə-в'aje | χ ^w ə-š't |
| ТОТ-OBL-INS | жить-DFCL | случаться-FUT |
| ‘На это будет сложно прожить.’ | | |

- | | |
|----------------------------------|------------------------------------|
| (10) <i>Тисабыйхэр</i> | <i>пIуэошIу.</i> |
| t-jə-sabəj-xe-r | p ^w ə-в'еš ^w |
| 1PL.IO-POSS-ребенок-PL-AVS | воспитывать-FCL |
| ‘Наших детей легко воспитывать.’ | |

Таким образом, цилитивные конструкции, на первый взгляд, предстают как нетипичные для адыгейского языка структуры. Во-первых, появление суффиксов фацилитива и дифицилитива выглядит как понижающая деривация, удаляющая некоторые аргументы [Летучий, 2006], в то время как такие деривации по меньшей мере не являются нормой в этом языке. Во-вторых, сходное поведение S и A и их противопоставление P – это отступление от последовательно соблюдаемой в адыгейском языке эргативности.

При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что даже грамматика [Рогава, Керашева, 1966, с. 298] приводит пример, в котором при добавлении суффикса дифицилитива все аргументы непереходной

основы сохранены (11). В [Летучий, 2006] дается аналогичный пример с переходной основой (12), а кроме того, сообщается, что для выражения агенса может использоваться аппликатив (13) (последнее утверждение, впрочем, будет ниже оспорено).

- (11) *Ау бзыльфыгъэхэр ац есэгъуаех.*
 aw bzəlfəke-xe-ɾ a-š' je-se-ɪ^waje-x
 но женщина-PL-ABS тот-OBL DAT-привыкать-DFCL-PL
 'Но женщины к этому с трудом привыкают.'
 [Рогава, Керашева, 1966, с. 299]

- (12) *Псы фабэм зырыптхьакыгышошлу.*
 psə-fabe-m zə-rə-p-thač'ə-ɪ^weš^w
 вода-теплый-OVL RFL.ABS-LOC-2SG.ERG-МЫТЬ-FCL
 'Тебе в теплой воде легко мыться.'
 [Летучий, 2006; Lander, Letuchiy, 2017, р. 297]

- (13) *Сэ мы губгъор сишожьогъошлу.*
 se mə g^wəb^we-ɾ s-š^we-ž^we-ɪ^weš^w
 я этот поле-ABS 1SG.IO-MAL-пахать-FCL
 'Мне легко вспахать это поле.' [Летучий, 2006]

Наконец, дополнительную путаницу вносит то, что аргументы, не ассоциируемые с S, A или P и обычно маркируемые косвенным падежом, в цилитивных конструкциях иногда неожиданно получают абсолютное маркирование. Например, *je-ž'e-* 'читать' является непереходным предикатом: читающий в нем обычно кодируется как S, а читаемое – как непрямой объект, вводимый так называемым дативным аппликативом. В (14) при цилитивной форме, образованной от *je-ž'e-*, это управление сохраняется, но в (15) именная группа, описывающая читаемое, получает абсолютный падежный суффикс и контролирует появление на сказуемом показателя множественного числа абсолютива.

- (14) *Ахэм яджэгъошлу, цылэныгъэм нэблагэх.*
 a-xe-m ja-ž'e-ɪ^weš^w š'əʔəpəke-m re-blake-x
 тот-PL-OVL 3PL.IO+DAT-читать-FCL жизнь-OVL LOC-близкий-PL
 'Их легко/приятно читать, они близки к жизни.'

- (15) *Поэмэхэр еджэгъошлх, нычыгъохэр*
 роете-хе-ɾ je-ž'e-ɪ^weš^wə-x рэч'əв^we-хе-ɾ
 поэма-PL-ABS DAT-читать-FCL-PL отрывок-PL-ABS
псынклэх, лупклэх.
 psəpč'e-x ʔ^wəpč'e-x
 легкий-PL остроумный-PL
 'Поэмы легко/приятно читать, отрывки легкие, остроумные.'

Далее мы покажем, что цилитивные суффиксы в адыгейском языке в действительности оформляют два типа единиц – именные цилитивы и вторичные цилитивы. Смещение конструкций с именными и вторичными цилитивами как раз и приводит к путанице, наблюдаемой в литературе.

4. Именные цилитивы

Первый тип цилитивов обычно описывает не столько ситуацию, в которой трудно или легко что-либо сделать, но объект, для которого такое положение дел типично. Подобные цилитивы могут сами образовывать именную группу, выступающую в качестве аргумента (16), появляться в функции модификатора к имени (17) или выступать в качестве именного предиката (18). В последнем случае абсолютный субъект может, но не обязан соответствовать абсолютному аргументу предиката, от которого образована цилитивная форма: например, в (18) абсолютным аргументом оказывается место (у исходного предиката ‘подниматься’ абсолютный аргумент – это, естественно, участник с ролью поднимающегося).

(16) *ЕогъошIухэр* *мый* *щымакIэх.*
 je-we-в^weš^wэ-хе-г mə-j š’ə-mač’e-x
 DAT-БИТЬ-FCL-PL-ABS ЭТОТ-OBL LOC-мало-PL
 ‘Здесь мало кого легко побить.’ [E]

(17) *ИгуцыIэ щэчыгъуаехэм* *сыгу*
 jə-g^wəš’əʔe-[š’eč’ə-к^waje]-хе-м⁴ sə-g^wə
 POSS-слово-[терпеть-DFCL]-PL-OBL 1SG.PR-сердце
агъэузы.

а-ве-вэзэ

3PL.ERG-CAUS-болеть

‘Его слова, которые тяжело терпеть, меня расстраивают (букв. ‘заставляют болеть мое сердце’).’ [E]

(18) *Мы* *бгыр* *дэкIоегъуай.*
 mə bgə-г de.к^we.je-в^waj.
 ЭТОТ ХОЛМ-ABS ПОДНИМАТЬСЯ-DFCL
 ‘Этот холм сложный для подъема.’ [E]

Такие цилитивы обладают всеми специфическими свойствами имен, не присущими прочим знаменательным словам. Так, уже пример (17)

⁴ Здесь и ниже при вхождении в именную комплекс слова, состоящего из нескольких морфем (при условии, что они выделяются нами), такое инкорпорированное слово выделяется квадратными скобками.

демонстрирует, что модифицируя имя, эти формы появляются в составе особого образования, обладающего свойствами единого слова, – именного комплекса (см. о них [Lander, 2017]), причем в постпозиции к имени. Между тем, неименные модификаторы не обязаны (а нередко и не могут) входить в именной комплекс, а кроме того, предшествуют модифицируемому имени; ср. следующий пример, где предикат ‘ты терпишь’ фактически образует относительное предложение.

- (19) *A o тцэчырэ зуцылэхэр*
 a we p-sʼečʼə-re gʷəšʼəʔe-xe-ɣ
 тот ты 2SG.ERG-терпеть-DYN слово-PL-ABS
зыкИи зукъаохэн.
 zəčʼjə gʷəqawe-x-ep
 несколько обидный-PL-NEG
 ‘Те слова, что ты терпишь, совсем не обидные!’ [E]

Другие особые свойства имен, которые обнаруживаются и у цилитивов рассматриваемого типа, включают способность выступать в качестве объекта обладания в приименной посессивной конструкции (20) и способность модифицироваться относительными предложениями (21).

- (20) *Анахъ иеогъошлур илгэдакъ.*
 a-naħ jə-je-we-ɸʷešʷə-ɣ jə-ʌedaq
 3PL.PO-более POSS-DAT-бить-FACIL-ABS POSS-пятка
 ‘Легче всего его ударить по пятке.’
 (Букв.: ‘То его, по чему легче всего ударить, – это его пятка.’) [E]

- (21) *Ситагъэ нлугъошлухэр дэгъоу*
 s-šta-ɸe ɸʷə-ɸʷešʷə-xe-ɣ deɸʷ-ew
 1SG.ERG-братъ-PST воспитывать-FCL-PL-ABS хороший-ADV
еджэх.
 j-e-ʒʼe-x
 DAT-DYN-учится-PL
 ‘Те легковоспитуемые, которых я взял домой, учатся хорошо.’ [E]

Наконец, еще одним критерием выделения имен можно считать возможность появления при именном предикате субъекта оценки, который вводится аппликативным показателем $\we -. При неименных предикатах этот префикс обычно вводит малефицианта [Летучий, 2009] или имеет специфическое локативное значение ‘на острие’ [Мазурова, 2009]⁵;

⁵ Точности ради укажем, что малефактив используется для введения субъекта оценки по крайней мере в одной неименной конструкции – с предикатом $\we - $\$ə$ - ‘казаться’, который представляет собой сочетание малефактивного аппликатива и корня ‘делать’ (без эргативного префикса).

ср. именной предикат с субъектом оценки (22) и именной предикат с малефактивом (23). Рассматриваемые цилитивы, подобно другим именам, используют префикс $\we - для выражения субъекта оценки (24), который при совпадении с наиболее агентивным участником может создавать иллюзию его малефактивного маркирования, как в примере (13).

(22) *Ap niIodelɔ.*
 а-г р- $\we -djele
 тот-ABS 2SG.IO-MAL-дурак
 ‘По-твоему, он дурак.’ [E]

(23) *Ap niIocʰɔye.*
 а-г р- $\we -čəje
 тот-ABS 2SG.IO-MAL-спать
 ‘Он засыпает против твоей воли.’ [E]

(24) *Afədə ʧɣɪlɛp siIocʰɔcɣɔyɔj.*
 а-fe.de čəʔe-г t $\we -sʰečʰə-kʷaj
 тот-подобный холод-ABS 1SG.IO+MAL-терпеть-DFCL
 ‘По-моему, такой холод сложно переносить.’ [E]

Итак, мы видим, что цилитивные суффиксы могут выступать как показатели номинализации. В этом свете совершенно иначе предстает наблюдаемая редукция аргументной структуры именных цилитивов – речь здесь идет не о понижающей актантной деривации *perse*, но о часто наблюдаемой в номинализациях (в том числе и в большинстве номинализаций адыгейского языка; см. [Ershova, 2015]) неспособности производящей основы проецировать вонне собственную аргументную структуру. Другими словами, аргументы исходного предиката в именных цилитивных конструкциях не могут выражаться вовсе, а абсолютивный аргумент, который мы можем наблюдать, если именной цилитив сам выступает в качестве сказуемого, – это, в действительности, уже не аргумент исходного предиката, а аргумент предиката-имени в позиции предиката.

В таком случае мы можем ожидать, что именные цилитивы не смогут выражать как S и A, так и другие аргументы предиката. Неспособность таких цилитивов сохранять S и A показана в (25)–(26), где предпринимается попытка вставить соответствующие этим аргументам личные префиксы в формы с посессивной морфологией, подчеркивающей именной характер словоформы:

(25) а. *идэкIоегɣуаер*
 jə-de.k we .je-k wə je-г
 POSS-подниматься-DFCL-ABS
 ‘то его, на что тяжело подниматься’ [E]

(25) б. *итыдэжлоегъуаер
 *jə-tə-de.kʷe.je-вʷaje-г
 POSS-1PL.ABS-подниматься-DFCL-ABS
 (ожид.: 'то его, на что нам тяжело подниматься') [E]

(26) а. цубытыгъошлур
 jə-wəbətə-вʷešʷə-г
 POSS-хватать-FCL-ABS
 'то его, что легко ухватить' [E]

б. *уубытыгъошлур
 *jə-wə-wəbətə-вʷešʷə-г
 POSS-2SG.ERG-хватать-FCL-ABS
 (ожид.: 'то его, что тебе легко ухватить') [E]

Как показывают примеры (27)–(28), выражение непрямых объектов, дополнительно модифицирующих исходный предикат, тоже оказывается запрещено. Фактически появление аппликатива разрешено, только если его сочетание с корнем сильно лексикализовано или если он указывает на семантическую роль референта цилитива в исходной предикации (как это делают преверб *tje-* в (27) и общелокативный преверб *š'ə-* в (28)).

(27) (*Мы бгъым) мы жъуагъор (*цы)теплэгъошлу.
 (*мə бвə-м) мə žʷavʷe-г (*š'ə-)tje-рле-вʷešʷ
 ЭТОТ холм-OVL ЭТОТ звезда-ABS LOC-LOC-DAT-смотреть-FCL
 'На эту звезду приятно смотреть (с этого холма).' [E]

(28) а. Мы зэлулэр цылогъуай.
 мə zeʔʷəç'e-г š'ə-ʔʷe-вʷaj
 ЭТОТ собрание-ABS LOC-говорить-DFCL
 'На этом собрании трудно говорить.' [E]

б. *Мы зэлулэр цыф луухэм
 *мə zeʔʷəç'e-г çəf-ʔʷəš-xe-m
 ЭТОТ собрание-ABS человек-умный-PL-OVL
 цафэлогъуай
 š'-a-fe-ʔʷe-вʷaj
 LOC-3PL.IO-VEN-говорить-DFCL
 'На этом собрании трудно говорить в защиту умных людей.' [E]

В отдельных случаях некоторых участников ситуации все-таки можно выразить, но, по-видимому, неверно считать, что это аргументы именного цилитива. Так, в (29), на первый взгляд, выражается Р:

- (29) *Цыф дэгьухэр* (*афэдэ) *илухафтын етыгьошлух.*
 ɕɸf-dev^wə-xe-r (*a.fe.de) ʃ^wəhaftən-[je-tə-ɸ^weʃ^wə]-x
 человек-хороший-PL-AVS такой подарок-[DAT-давать-FCL]-PL
 ‘Хорошим людям приятно дарить подарки.’ [E]

Здесь уточнение пациентивного участника в действительности представляет собой именное определение, инкорпорированное в именной комплекс, а не отдельную именную группу, о чем свидетельствует неспособность имени ʃ^wəhaftən ‘подарок’ принимать собственные определения. Другими словами, пациентивный участник и в таких примерах не выражается как аргумент предиката.

Суммируя сказанное выше, участник ситуации, обозначенной предикатом, к которому присоединяется цилитивная морфология, может быть выражен только как абсолютивный аргумент именного предиката или как модификатор имени – или в составе именного комплекса или как посессор или субъект оценки.

5. Вторичные цилитивы

Цилитивы второго типа описывают определенное положение дел, но не объект. Такие формы всегда выступают в функции предиката некоторой клаузы, сохраняя всю или часть обычной модели управления производящей основы (30). В именной группе они могут образовывать относительные предложения, предшествующие синтаксической вершине (ср. (31), где предикат относительного предложения также демонстрирует факультативную инкорпорацию в именной комплекс).

- (30) *Студентхэмрэ* *клэлэеджаклохэмрэ*
 student-xe-m-re ɕ^lelejeʒ^lak^we-xe-m-re
 студент-PL-OBL-COORD школьник-PL-OBL-COORD
Юф адэшилэгьошлу.
 ʔ^wef a-de-ʃe-ɸ^weʃ^w
 работа 3PL.IO-COM-делать-FCL
 ‘Со студентами и школьниками приятно сотрудничать.’

- (31) *Цыфхэр* *маклэу* *зыцынсэурэ* *ыкли*
 ɕɸf-xe-r maɕ^l-ew zə-s^lə-psewə-re əɕ^ljə
 человек-PL-AVS мало-ADV REL.IO-LOC-жить-DYN и
транспортклэ зылгылэсыгьое чыплэхэм...
 transport-ɕ^le [zə-lə-ʔesə-ɸ^weje]-ɕəpe-xe-m
 транспорт-INS [REL.IO-LOC-добираться-DFCL]-место-PL-OBL
 ‘в местах, где живет мало людей и куда тяжело добраться на транспорте’

Отличительная черта таких цилитивов состоит в возможности выражения любых аргументов – в том числе S (32)⁶, A (33) и аппликативных непрямых объектов (34)⁷.

(32) *Зэгорэм сэри пивэ чьыIэм*
 zeg'ere-m se-rjə pive-čəʔe-m
 когда.ТО-OVL я-ADD пиво-холодный-OVL
сешьогъошIуцтыгъ.
 s-je-š'we-в'weš'wə-š'tə-в
 IPL.ABS-DAT-пить-FCL-AUX-PST
 'Когда-то и я с удовольствием пил холодное пиво.' [E]

(33) *Мы цэрыхъышхор пIэтыгъуая?*
 mə š'erəχə-šxwe-г р-ʔetə-к'aj-a
 этот колесо-AUG-ABS 2SG.ERG-поднимать-DFCL-Q
 'Тебе сложно поднять это большое колесо?' [E]

(34) *Мы бгъым мы жьуагъом цытенплэгъошIу.*
 mə bkə-m mə ž'wak'we-m š'ə-tje-рле-к'weš'w
 этот холм-OVL этот звезда-OVL LOC-LOC-смотреть-FCL
 'С этого холма хорошо смотреть на эту звезду.' [E]

Тем не менее выражение S и A (как именные группы, так и индексация) может отсутствовать. Впрочем, в этом отношении они мало отличаются и от P, который тоже может быть не выражен (35) – хотя имперсональная интерпретация для этого аргумента в таком случае не типична и данный пример является скорее исключением. Тем более S и A не отличаются от аппликативных непрямых объектов, которые легко опускаются почти всегда, если только речь не идет о сочетании с морфологически связанным корнем [Ландер, 2015]. В целом, по-видимому, в адыгейском языке наличие/отсутствие индексируемого в сказуемом аргумента в значительной степени мотивировано семантически, а не формальным типом основы: так, здесь почти нет примеров с эксплетивными аргументами (в отличие, например, от родственного абхазского языка [Kathman, 1993]), а переходные основы могут употребляться и без эргативного индекса, например, в результативных конструкциях [Аркадьев, 2018].

⁶ Предикат 'пить' является в адыгейском языке непереходным: пьющий выступает как абсолютивный аргумент, а то, что пьется, – как не прямой объект, вводимый дативным аппликативом.

⁷ Легкость, с которой в цилитивной форме может быть выражен S или A, может быть связана с такими факторами, как генеричность участника и семантическая транзитивность; см. [Летучий, 2006; Lander, Letuchiy, 2012, p. 296–297].

- (35) *Табэм* *рыгъэжэгъошлу.*
 tabe-m гә-вс-žе-в^weš^w
 сковорода-OVL TRANS-CAUS-жариться-FCL
 ‘На сковородке-то жарить легко.’ [E]

Более того, в размеченной части корпуса примеры с морфологически выраженными S и A нам не встретились вовсе, а при элицитации эта конструкция признается лишь частью носителей. В связи с этим мы предполагаем, что вторая цилитивная конструкция представляет собой инновацию: именные производные формы, описывающие абсолютный аргумент, были переосмыслены как полноправные неизменные предикаты, что дало им возможность сочетаться с любыми аргументами исходного предиката. Действительно, легко заметить, что примеры вроде (36) могут быть интерпретированы и как конструкция с именным цилитивом – именным предикатом, описывающим нечто легко выполняемое, и как вторичная цилитивная конструкция с опущенным A:

- (36) *Шлу* *плъэгъурэ* *Юфыр* *гъэцэкIэгъошлу.*
 š^wэ р-лєк^wэ-ге ?^wefə-г кє.сєç’е-в^weš^w
 добро 2SG.ERG-видеть-DYN дело-ABS выполнять-FCL
 ‘Любимую работу легко выполнять.’

При переосмыслении вторичные цилитивные формы потеряли именные свойства. Следующие выражения, отвергаемые носителями, демонстрируют неспособность форм с выраженным агенсом принимать посессивную морфологию (37), модифицироваться относительными предложениями (38), выступать в составе именного комплекса в качестве постпозитивного модификатора (39), принимать малефактивный аппликатив для введения субъекта оценки (40).

- (37) **суннIугъошIухэр*
 *s-jə-p-ř^wэ-в^weš^wэ-хе-г
 1SG.IO-POSS-2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘мои легко воспитуемые тобою’ [E]
- (38) **ситагъэ* *ннIугъошIухэр*
 *s-šta-кє р-ř^wэ-в^weš^wэ-хе-г
 1SG.ERG-брать-PST 2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘взятые мной легковоспитуемые тобою’ [E]
- (39) **кIэлэннIугъошIухэр*
 *ç’ele-[p-ř^wэ-в^weš^wэ]-хе-г
 парень-2SG.ERG-воспитывать-FCL-PL-ABS
 Ожид.: ‘парни, которых тебе легко воспитывать’ [E]

(40) **AuIonnygъoшy**a-š^we-p-ř^wə-к^weš^w

3PL.IO-MAL-2SG.ERG-воспитывать-FCL

Ожид.: 'По их мнению, тебе легко их воспитывать.' [E]

6. Заключение

Итак, мы противопоставили две конструкции со значениями 'легко' и 'тяжело', которые до сих пор не было принято дифференцировать в описаниях адыгейского языка (и это приводило к противоречиям в утверждениях и приводимых примерах, описанным в разделе 3). В то время как *именная цилитивная конструкция* представляет собой номинализацию, описывающую некий объект, *вторичная цилитивная конструкция* – вероятно, диахронически производная от именной и образующая неизменной предикат – описывает собственно ситуацию, в которой тяжело или легко что-либо делать. Таким образом, разные конструкции *профилируют* (в терминах «когнитивной грамматики» Р. Лангакера [Langacker, 1987, p. 183ff]) разные семантические компоненты – конкретного участника или саму ситуацию. Например, в (41) описывается признак участника, а в (42) никакой конкретный участник не выделяется и описывается общее положение дел.

(41) *Мы жьуагъор теплъэгъошy.*mə ž^wak^we-г tje-рле-к^weš^w

этот звезда-AVS LOC-смотреть-FCL

'На эту звезду приятно смотреть (с этого холма).' [E] (= (27))

(42) *Мы бгъым мы жьуагъом цытеплъэгъошy.*mə bkə-m mə ž^wak^we-m š'ə-tje-рле-к^weš^w

этот холм-OVL этот звезда-OVL LOC-LOC-смотреть-FCL

'С этого холма хорошо смотреть на эту звезду.' [E] (= (34))

Такой семантический контраст между описанием объекта и описанием положения дел в цилитивных конструкциях, по-видимому, можно обнаружить и во многих других языках. Как кажется, именно этот контраст отражается и в противопоставлении конструкций с кажущимся подъемом прямого объекта и без подъема, проиллюстрированных во французских примерах (43), и во мнимом перефразе в русских переводах этих примеров – и там, и там первая конструкция передает собственно положение дел, а вторая описывает некоторый объект:

(43) а. Il est difficile de lire ces livres.

он быть:3SG.PRS трудный POSS читать:INF этот:PL книга:PL

'Трудно читать эти книги.'

(43) b. Ces livres sont difficiles à lire.
 этот:PL книга:PL быть:PL.PRS трудный:PL к читать:INF
 ‘Эти книги трудны для чтения.’
 [Davies, Dubinsky, 2004, p. 119]

Хотя в адыгейском языке в обеих конструкциях могут не выражаться некоторые участники, обычно выражаемые при соответствующем предикате, ни одна из них не может описываться как понижающая актантная деривация: в именной цилитивной конструкции аргументная структура исходного предиката исчезает целиком, а во вторичной цилитивной конструкции могут исчезать разные аргументы, причем все они исчезают факультативно. То, что при этом в языке, проявляющем свойства синтаксической эргативности, обычно опускаются S и A, объясняется, вероятно, тем, что именно эти аргументы обычно исчезают из семантики конкретной ситуации легкости/трудности, но не какими-то грамматическими правилами.

Интересно, что при совершенно отличных друг от друга синтаксических свойствах словоформы, образующие эти конструкции, маркируются одними и теми же аффиксами. Впрочем, это не единственный такой случай в адыгейском языке: аналогичными свойствами обладает также суффикс, маркирующий конструкции с подчинением клаузы (причем различающиеся между собой по свойствам [Ершова, 2013; Lander, Vagirokova, 2015]) и одновременно формы одного из будущих времен. Можно предположить, что подобные сдвиги облегчаются, с одной стороны, огромной продуктивностью соответствующих аффиксов и с другой – тем, что имена могут легко выступать в позиции сказуемого.

Библиографический список / References

Аркадьев, 2018 – Аркадьев П.М. От результата к пассиву: данные западнокавказских языков // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 31–50. [Arkadiev P. From resultative to passive: A view from Northwest Caucasian languages. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 31–50. (In Rus.)]

Выдрин, 2015 – Выдрин А.П. Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. 11. Ч. 2. С. 111–134. [Vydrin A.P. It is easy and difficult to take action. Ossetian modal construction. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 11. Part 2. Pp. 111–134. (In Rus.)]

Гишев, 1985 – Гишев Н.Т. Вопросы эргативного строя адыгских языков. Майкоп, 1985. [Gishev N.T. *Voprosy ergativnogo stroya adygsikh yazykov* [Issues in the ergative structure of the Circassian languages]. Maykop, 1985.]

Гишев, 2008 – Гишев Н.Т. Избранные труды по языкознанию. Майкоп, 2008. [Gishev N.T. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu [Selected works on Linguistics]. Maykop, 2008.]

Ершова, 2013 – Ершова К.В. Именные и глагольные свойства бесленевского масдара // Полевые исследования студентов РГГУ. Вып. VIII. М., 2013. С. 245–265. [Ershova K.V. Nominal and verbal properties of the Besleney masdar. *Polevyye issledovaniya studentov RGGU*. Vol. VIII. Moscow, 2013. Pp. 245–265. (In Rus.)]

Кумахов, 1964 – Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик, 1964. [Kumakhov M.A. Morfologiya adygskikh yazykov. Sinkhronno-diakhronnaya kharakteristika [The morphology of the Circassian languages. Synchronic and diachronic characteristics]. I. Nalchik, 1964.]

Кумахов, 1971 – Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971. [Kumakhov M.A. Slovoizmeneniye adygskikh yazykov [Inflection of the Circassian languages]. Moscow, 1971.]

Кумахов, Вамлинг, 2006 – Кумахов М., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Мalmö, 2006. [Kumakhov M., Vamling K. Ergativnost v cherkesskikh yazykakh [Ergativity in Circassian languages]. Malmö, 2006.]

Ландер, 2015 – Ландер Ю.А. Актанты и сирконстанты в морфологии и в синтаксисе адыгейского языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 1. С. 7–31. [Lander Yu.A. Arguments and adjuncts in the morphology and syntax of West Circassian. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*. 2015. No. 1. Pp. 7–31. (In Rus.)]

Летучий, 2006 – Летучий А.Б. Адыгейская система понижающих и интерпретирующих актантных дериваций. Рукопись. 2006. [Letuchiy A.B. Adygeyskaya sistema ponizhayushchikh i interpretiruyushchikh aktantnykh derivatsiy [The West Circassian system of valency decrease and rearrangement]. 2006. Manuscript.]

Летучий, 2009 – Летучий А. Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М., 2009. С. 329–371. [Letuchiy A.B. Benefactive and malefactive: Syntactic features and the range of uses. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka*. Ya.G. Testelets (ed.). Moscow, 2009. Pp. 329–371. (In Rus.)]

Мазурова, 2009 – Мазурова Ю.В. Семантика локативных превербов *pə*- и *šʷe*- // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М., 2009. С. 429–453. [Mazurova Yu.V. Semantics of locative preverbs *pə*- and *šʷe*-. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka*. Ya.G. Testelets (ed.). Moscow, 2009. Pp. 429–453. (In Rus.)]

Рогава, Керашева, 1966 – Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. [Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammatika adygeyskogo yazyka [Grammar of the West Circassian language]. Krasnodar; Maykop, 1966.]

Урусов, 1980 – Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980. [Urusov Kh.Sh. Morfemika adygskichkhazykov [Morphemics of the Circassian languages]. Nalchik, 1980.]

Arkhangelskiy et al., 2018 – Arkhangelskiy T., Bagirokova I., Lander Yu. West Circassian (Adyghe) corpus. 2018. URL: <http://adyghe.web-corpora.net> (date of access: 02.08.2020.)

Bagirokova et al., to appear – Bagirokova I., Lander Yu., Phelan P. Number in West Circassian. *Number in the world's languages*. P. Acquaviva, M. Daniel (eds.). Berlin, to appear.

Davies, Dubinsky, 2004 – Davies W.D., Dubinsky S. The grammar of raising and control: A course in syntactic argumentation. Oxford, 2004.

de Reuse, 2009 – de Reuse W.J. Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives. *Variations on polysynthesis: The Eskaleut Languages*. M.-A. Mahieu, N. Tervis (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2009. Pp. 19–34.

Ershova, 2015 – Ershova K. Non-canonical noun incorporation in Bzhedug Adyghe. *Proceedings of the 41st Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 2015. Pp. 99–119.

Ershova, 2019 – Ershova K. Syntactic ergativity in West Circassian. PhD diss. University of Chicago, 2019.

Kathman, 1993 – Kathman D. Expletive verb marking in Abkhaz. *Proceedings of the 19th Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on semantic typology and universals*. Berkeley, 1993. Pp. 193–204.

Lander, 2010 – Lander Yu. Subject properties of the Adyghe absolutive: Evidence from relatives. Ms., 2010.

Lander, 2017 – Lander Yu. Nominal complex in West Circassian: Between morphology and syntax. *Studies in Language*. 2017. Vol. 41. No. 1. Pp. 76–98.

Lander, Bagirokova, 2015 – Lander Yu., Bagirokova I. Two-faced subordination marker in West Circassian necessity constructions. *Working papers by NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”*. 2015. No. 38/LNG/2015.

Lander, Bagirokova, 2019 – Lander Yu., Bagirokova I. Asymmetric word class systems and noun primacy: West Circassian and beyond. Ms., 2019.

Lander, Letuchiy, 2017 – Lander Yu., Letuchiy A. Decreasing valency-changing operations in a valency-increasing language? *Valency changes: Theoretical and typological perspectives*. A.Á. González, Í. Navarro (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2017. Pp. 285–304.

Lander, Testeleys, 2017 – Lander Yu., Testeleys Yu. Adyghe. *The Oxford handbook of polysynthesis*. M. Fortescue, N. Evans, M. Mithun (eds.). Oxford, 2017. Pp. 948–970.

Langacker, 1987 – Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.

Letuchiy, 2012 – Letuchiy A. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. *Ergativity, valency and voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin, Boston, 2012. Pp. 323–354.

Smeets, 1984 – Smeets R. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden, 1984.

Статья поступила в редакцию 21.09.2020
The article was received on 21.09.2020

Об авторах / About the authors

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Yury A. Lander – PhD (Linguistics); Associate Professor at the School of Linguistics, Leading Researcher at the International Laboratory for Language Convergence, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1798-7174>

E-mail: yulander@yandex.ru

Багирова Ирина Гаруновна – кандидат филологических наук, доцент; научный сотрудник отдела кавказских языков, Институт языкознания Российской академии наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Irina G. Bagirokova – PhD (Linguistics); Researcher at the Department of Caucasian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the School, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: ibagirokova@yandex.ru